
УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2 Рос)
С 60

Л.В. Солодовник,
*кандидат социологических наук; начальник информационно-аналитического управления аппарата Законодательного Собрания Ростовской области.
E-mail: zsrnd@zsro.ru*

**Фактор идеологии в советском обществе:
ретроспективный анализ в координатах идеологической
безопасности государства и общества
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье показано, что обстоятельства проявления и возвышения фактора идеологии в советском обществе были обусловлены тем, что с утверждением нового политического режима начинает существенно меняться социальная реальность. В новых социальных и политических условиях средства идеологической индоктринации превращаются в важный ресурс тоталитарной или позднее — авторитарной власти. Государство ставило человека в состояние полной зависимости от себя, а режим требовал от подданных не просто подчинения, а постоянного проявления преданности и признательности.

Ключевые слова: идеология, идеологическое пространство, идеологическая монополия партии, идеологическая индоктринация, идеологическая безопасность.

L.V. Solodovnik,
Candidate of Sociology, Chief of Information and Analytical Management of the Office of Legislative Assembly of the Rostov Region. E-mail: zsrnd@zsro.ru

**Ideology factor in the Soviet society:
the retrospective analysis in coordinates
of ideological security of the state and society**

Abstract. The paper shows that circumstances of manifestation and heightening a factor of ideology in the Soviet society were caused by essential changes of the social reality in connection with the establishment of a new political regime. In new social and political conditions the means of an ideological indoctrination turn into an important resource of the totalitarian or, later, authoritative power. The state put the person in a condition of a complete dependence on itself, and the regime demanded from citizens not simply submission, but continuous manifestation of devotion and appreciation.

Keywords: ideology, ideological space, ideological monopoly of party, ideological indoctrination, ideological security.

Обстоятельства проявления и возвышения фактора идеологии в советском обществе связаны с тем, что с утверждением нового политического режима в советскую эпоху начинает существенно меняться социальная реальность. К середине 1930-х годов окончательно оформляется новый общественный строй, что формально было зафиксировано на XVII съезде партии в 1934 году, а затем в Консти-

туции СССР 1936 г. «На месте разрушенной прежней жизни возник тотально огосударствленный и идеологически унифицированный социум, обслуживавший потребности форсированного военно-индустриального развития» [1]. Идеологическая сфера общества была воплощена в государственной социалистической идеологии, являющейся неотъемлемой стороной жизнедеятельности всего общества.

Советская идеология формировалась на основе учений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и в общих чертах была завершена в 1930-е годы. В новых социальных условиях средства идеологической индоктринации превращаются в важный ресурс тоталитарной власти. Государство ставило человека в состояние полной зависимости. Тоталитарный режим требовал от своих подданных не просто подчинения, а постоянного проявления преданности и признательности властям за ту фикцию, которую предлагают последние. Идеологическое воспитание не ставит своей целью убеждение, для него гораздо важнее заблокировать сознание человека и преобразовать его, чтобы оно работало на нужной властям ноте. Например, предметом идеологического воспитания в СССР было внушение чувства беспомощности, абсолютной зависимости от государства. Эффект устрашения был необходим для демонстрации мощи партии-государства.

Как замечает Д.Б.Резинко, идеология была единственно значимой символической системой, выполняющей функцию социального посредника и в силу этого предопределившей характер универсальной социальной связи в советском обществе. Здесь отсутствовал легитимный рынок, выполняющий в западном социуме важную функцию регулятора процесса общественного производства, распределения и потребления благ. А, следовательно, деньги, игравшие на Западе роль главного символического социального посредника, в советском обществе имели второстепенное значение. Кроме того, в советском обществе отсутствовали основные сферы, в которых осуществляется процесс социального воспитания и самоутверждения западного человека: гражданское общество и развитые политические демократические институты. В этих условиях советская идеология как система социальных практик постепенно приобретала тотальный характер: охватывая все новые локальные поля социального взаимодействия, изменяя их структуру и содержание, она превращала их в сегменты «большого общества» [2].

Согласно А.Н.Медушевскому, тоталитарные режимы являлись «инсценирующими диктатурами», «тотальным театром», стремившимися создать телеологическую картину мира как движения из темного прошлого к прекрасному настоящему и светлому будущему. В экономике — это распределение дефицита, в политике — власти, в конфигурации общества — создание системы контроля над индивидом по всем возможным параметрам. Универсальность социального проектирования в мобилизационном типе экономики возможна при наличии ряда предпосылок: абсолютности информации, тотальности контроля, существовании единого плана и свободы в применении насилия для перемещения человеческих ресурсов. Эти цели достигались созданием такой системы учета и контроля, которая соединяла все принципиальные информационные параметры — место, время, экономический, социальный и правовой статус [3].

После переворота 25 октября 1917 г. у новой власти сразу же возник ряд принципиальных противников. Еще до начала открытого вооруженного противостояния велась ожесточенная идеологическая борьба между противоборствующими сторонами. Главным полем битвы стала печать. Реакция новой власти на развивающиеся события не заставила себя долго ждать, и для осуществления широкой системы мер по подавлению оппозиционной прессы были учреждены специальные органы, которые заложили основу политики, направленной на подавление свободы слова.

А.Н. Медушевский определяет сталинизм как систему, тяготеющую к установлению максимального контроля над информацией в интересах направленного манипулирования человеческими ресурсами. Ключевыми параметрами анализа при таком подходе становятся особенности формирования информационной картины мира и параметры ее проектирования, внешние и внутренние сигналы, определившие информационно-коммуникативные процессы в системе на разных этапах

ее существования; масштабы, параметры и цели социального конструирования; информационная сегрегация общества как основа манипулирования; конструирование идентичности и факторы, определившие выбор на переломных точках; социальная адаптация и рычаги управления мотивацией поведения; норма и девиация в когнитивной адаптации индивида [4].

Строители «нового человека» отдавали себе отчет в том, что инфантилизация граждан должна носить универсальный характер, что процесс должен охватить все население. Цель «инфантилизации» — превратить население социалистической страны в детей, но в детей послушных, напуганных, лишенных инициативы, во всех случаях жизни ожидающих указаний «сверху», от «родителей». В 60-е — 70-е годы советская литература, регулярно поставляющая очередную модель идеального героя, начала с нежностью изображать жителя деревни, колхозника, но сохранившего лучшие черты русского мужика, — любовь к земле, чувство неразрывной связанности с природой, доброту и трудолюбие. Бурный расцвет «деревенской» литературы был связан с появлением плеяды талантливых писателей, знавших деревню, искавших в уничтоженном крестьянском быте национальные корни, корни культуры [5].

Д.Б.Резинко исходит из того, что начался продолжительный и полный драматизма период становления форм идеологической артикуляции нового содержания социальной жизни. Наступила эпоха «проговаривания» идеологического дискурса. Это был момент торжества революционно-идеологической мистики, акта самоидентификации через речевой аппарат говорящего. Смысл произносимых слов был еще смутен, не ясен самому говорящему, но в словах была заключена мощь обращенной в трансцендентность социальной энергии. Процесс становления и развития советской идеологии может быть воспринят именно как результат социально-практического «распредмечивания» мифологем *Революционной Идеологии* в повседневной

человеческой деятельности. В ходе этого процесса магма революционного социально-символического творчества масс, застывая, образовывала устойчивые мифоподобные социальные формы [6].

В исходной идеологической системе отсутствовали сколько-нибудь разработанные этическая система, философия жизни, эстетический канон. При этом группа производителей идеологической «нормы», объединяющая высшую партийную бюрократию и советскую интеллектуальную элиту, в советском обществе в конечном счете оказалась группой доминирующих. Пространство их социального существования это пространство наиболее высоких статусных позиций в обществе. Таким образом, доминирующие не только производят идеологемы. В силу их высокого, а потому и весьма привлекательного положения вся система присущих доминирующим социальных классификаций приобретала легитимирующий общественный миропорядок характер.

Е.Добренко обращает внимание на то, что всякая культура фокусирует свой интерес на определенных точках в истории. То одни, то другие исторические события становятся важными в свете актуальной проблематики современности. К числу таких всегда важных в революционной, а затем советской культуре относятся исторические события и эпохи, фокусирующие в себе наиболее болезненные для данной культуры проблемы: насилие в истории, вопрос о цене революционных преобразований, укрепление и расширение государства, проблемы власти, ее захвата и др. Вернувшись в русскую историю через литературу и кино, «исторические лица», — прежде всего, цари, князья, военачальники — выглядят сплошь «собирателями и защитниками русского государства», людьми небывалой отваги, государственной мудрости и политической дальновидности. Историческое описание все более подчиняется целям эстетизации истории, тогда как соцреалистическое искусство в своем «тотальном реализме» определенно

возвращается к миметическим основам. Обе эти противоположные во многих отношениях стратегии чтения истории подчиняются «ленинской теории отражения». Как в «исторической науке», так и в искусстве происходит возврат — на новом уровне — к «доистории» — мифу, всегда адаптирующему индивида к природному и социальному целому. Стержнем возникающего в результате «царства гармонии» являлась «историческая закономерность» [7].

В период Н.С.Хрущева начинается «оттепель», которая, по словам писателя И.Эренбурга, пришла на смену «крепкому морозу» сталинского правления, это «брожение умов» во всех слоях тогдашнего общества, нарастающие изменения в общественной и культурной жизни. Но с самого начала «оттепель» приобрела противоречивый характер. Критика «культы личности» разрушила одномерное восприятие прошлого, а десталинизация расколола общественное сознание. Затем стали быстро нарастать потребительские притязания в противовес их искусственному сдерживанию в эпоху Сталина, вплоть до потребительского аскетизма.

Вплоть до 1950-х годов советская идеология воспринималась как нерушимая и абсолютная истина. Людям и в голову не приходило сомневаться в истинности марксистской идеологии. Но начиная с 1960-х годов эта официальная идеология стала давать сбои. К 1980 годам в нее уже мало кто верил.

Уже в годы хрущевской «оттепели» официальный марксизм стал терять власть над умами, и советская интеллигенция, которая некогда была творцом и проводником в массы марксизма, начала продуцировать версии иной, неофициальной советской идеологии. Разумеется, все это происходило не целенаправленно: создавать идеологию есть естественное свойство интеллигенции, такое же, как дыхание для живого организма, и точно так же, как человек не замечает, что он дышит, интеллигент не замечает, что он идеологизирует. Кроме того, идеология есть ведь ложное сознание, своеобразный самообман, поэтому носитель идеологии

ее таковой не считает, для того, чтобы осознать это, нужно выйти за рамки данного идеологического дискурса (что, как правило, связано с переходом к другому идеологическому дискурсу). Так, интеллигенты-«шестидесятники» квалифицировали официальный советский марксизм как идеологию (не пожелав, правда, ее подвергнуть научному анализу, в частности, потому что дискредитация советского истмата для них была тождественна дискредитации марксизма вообще). Однако они так и не поняли, что сами они критикуют марксизм и советский строй также с позиций сугубо идеологических [8].

«Эпоха застоя» — это, пожалуй, одна из самых противоречивых вех в истории советского государства. Главная черта эпохи — противоречивость в развитии всех сфер жизнедеятельности общества. Исследователи пишут о противоречиях между политическими, идеологическими, экономическими факторами застоя советского государства и общества. В «эпоху застоя» стали еще больше нарастать искажения в политической и общественной жизни страны. Ведущей тенденцией внутривластного развития становится рост роли партийной и государственной бюрократии. Теоретической основой политической системы был курс на «возрастание руководящей роли КПСС». Эпоха застоя стала временем расцвета номенклатурных привилегий. В высших сферах процветали протекционизм и кумовство, взяточничество и коррупция. Ситуация личной безопасности, которую номенклатура получила в эпоху застоя, вела к личной безответственности, освобождала ее от всех моральных законов и нравственных запретов. Номенклатура со своими правами, привилегиями, иерархией стала замкнутой и закрытой кастой.

Идеологи «развитого социализма» на то время, объявив существовавший в стране порядок высшим достижением социального прогресса, по существу, создавали теоретическую базу для апологетики сложившейся административно-командной системы и основных механизмов её функционирования на длительную историческую перспекти-

ву. Тем самым была подменена функциональная сущность идеологии: вместо того, чтобы быть инструментом выявления и решения существовавших проблем в социально-экономическом и политическом развитии общества, главной функцией концепции «развитого социализма» стало обоснование внутренней логики сложившейся модели, её совершенствование с точки зрения восприятия в массовом сознании.

Идеологические установки внедрялись в массовое сознание с помощью тотального механизма индоктринации, который пронизывал собой все основные направления политической агитации и пропаганды в советском обществе. Официальные СМИ, система политпросвещения и политучебы на всех предприятиях и в учреждениях, партийно-хозяйственные активы, партийные, комсомольские, профсоюзные и иные общественные организации, школы, техникумы и вузы служили важнейшими инструментами по доведению до каждого гражданина СССР основных постулатов концепции «развитого социализма». Однако актуализация данной идеологии была крайне противоречивой. С одной стороны, массивное и постоянное информационно-коммуникационное воздействие на граждан не могло не привести к определенным результатам. Аргументы о самом справедливом общественном строе и его преимуществах перед капитализмом были усвоены значительной частью населения и закрепились в массовом сознании на уровне достаточно устойчивых стереотипов и символов веры.

С другой стороны, внедрение постулатов «развитого социализма» во многом носило формальный характер. Соответствующая методическая и пропагандистская литература не отражали реальных противоречий общественного развития, обрекали учебу на схематизм, абстрактность, догматизм, цитатничество, механическое усвоение и зубрежку. Кроме того, процесс индоктринации накладывался на те политические, социально-экономические и духовные противоречия, которые проявились в общественном развитии СССР.

Усиление идеологической дифференциации и возникновение политической оппозиции, а также события в социалистических странах показывали, что дальнейшая модернизация становится идеологически неприемлемой и политически опасной для коммунистического режима. Смена руководства облегчила переход к новой идеологической политике. Способом решения старых идеологических проблем и новых противоречий, порожденных модернизацией, стал официальный консенсус 70—80-х годов.

Однако начинает прорастать новая идеология, которая формировалась в диссидентских кружках, в самиздатовских журналах, в антисоветских русскоязычных изданиях за границей. Тем не менее участвовали в этом процессе не только диссиденты — открытые враги советской власти, но и самые широкие круги интеллигенции, то есть работников умственного труда — от университетских профессоров и школьных учителей до работники партийных СМИ и идеологического советского и партийного аппарата (которые, казалось бы, должны были, наоборот, защищать советскую идеологию). Идеология эта ковалась не только в теоретических рассуждениях и статьях, не меньшую роль сыграли здесь литература, бардовская песня, эстрадный юмор и другие формы элитарного и массового искусства, в которых в эстетически привлекательной форме преподносились те или иные антисоветские мировоззренческие установки.

Аргументы о самом справедливом общественном строе и его преимуществах перед капитализмом были усвоены значительной частью населения и закрепились в массовом сознании на уровне достаточно устойчивых стереотипов и символов веры. Однако в условиях оформления «двойственности» социального устройства, разделения жизни на открытую и скрытую, расхождением между идеологическими декларациями и реальной действительностью привычными становились двоемыслие и двоевечие, что разрушало идеологическую устойчивость общества.

Примечания:

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое изд-во, 2008. С. 315.
2. Резинко Д.Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
3. Медушевский А.Н. Сталинизм как модель. Обзорение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма» // Вестник Европы. 2011. №30.
4. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория как новая парадигма в гуманитарном познании // Вопросы философии. 2009. №10. С. 70-92.
5. См.: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
6. См.: Резинко Д.Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
7. Добренко Е. «Занимательная история»: исторический роман и социалистический реализм // Сопреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. URL: <http://www.fedy-diary.ru/>.
8. Вахитов Р. Советская идеология: опыт методологического марксизма. . URL: <http://www.ideologiya.ru/2005/>.

References:

1. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. History of Russia: an end or a new beginning? 2d ed., corrected and enlarged. M.: Novoe izd-vo, 2008. P. 315.
2. Rezinko D.B. Ideological practice in the context of the Soviet modernization (social and philosophical analysis): Dissertation abstract for the Candidate of Philosophy degree. M., 2002.
3. Medushevsky A.N. Stalinism as a model. Review of the publishing project «ROSSPEN» «The history of Stalinism» // Journal of Europe. 2011. №30.
4. Medushevsky A.N. Cognitive and information theory as a new paradigm in humanitarian cognition // Problems of Philosophy. 2009. №10. P. 70-92.
5. See: Geller M. Machine and little screws. History of the Soviet person formation. M.: MIK, 1994.
6. See: Rezinko D.B. Ideological practice in the context of the Soviet modernization (social and philosophical analysis): Dissertation abstract for the Candidate of Philosophy degree. M., 2002.
7. Dobrenko E. «Entertaining history»: historical novel and socialist realism // Socialist realism canon: coll. of art. / under the general ed. of Kh. Gьnter, E. Dobrenko. SPb.: Academic project, 2000. URL: <http://www.fedy-diary.ru/>.
8. Vakhitov R. Soviet ideology: experience of methodological Marxism. URL: <http://www.ideologiya.ru/2005/>.